

Самонаводящийся Бог

Сцена первая

*Не очень просторная и не очень чистая комната частного дома. Входят трое: **Баба Катя**, женщина за шестьдесят, **Оля**, которой двенадцать, и **Коля**, которому чуть больше десяти.*

Баба Катя. Так вы родные?

Оля. Да.

Коля. Нет.

Оля. Почему — «нет»?

Коля. Потому что я тебя ненавижу.

Короткая пауза.

Баба Катя. Ну это вы сами между собой разберётесь, кто кого ненавидит и за что. А мне пока интересно, родные вы или сводные.

Коля. Сводные.

Оля. Мама одна. Отцы разные.

Баба Катя. Тогда понятно. Тогда всё понятно.

Баба Катя садится на стул. Оля и Коля стоят почти в дверях.

Баба Катя. Проходите, не стойте.

Оля и Коля остаются стоять.

Баба Катя. Ну как бы хер с вами, захотите — освоитесь. Я давить не буду.

Оля. Скажите, пожалуйста, Екатерина...

Баба Катя. Павловна. Но вообще лучше просто Катя.

Оля. Скажите, Катя.

Коля. Екатерина Павловна.

Баба Катя. Ага. И что сказать?

Оля. Кто вы такая?

Короткая пауза. Баба Катя рассматривает Олю и Колю.

Баба Катя. Ну как кто. Старушка. Бабушка. А вообще, конечно, учитель биологии на пенсии. Но это уже не важно.

Коля. А где ваши внуки?

Баба Катя. А их никогда и не было. Ни детей, ни внуков.

Коля. Какая ж вы тогда бабушка?

Баба Катя. По возрасту вполне уже.

Оля. А вы нас взяли потому, что своих у вас нет?

Коля. Никто нас не брал. Мы сами пришли.

Баба Катя. Конечно, сами. Куда ж вам деваться-то? Только по людям и ходить. А у меня можно и остановиться. Правда, не очень чисто. Но это потому, что пальцы толком не работают.

Коля. А почему?

Баба Катя. А потому что артрит, Коля.

Короткая пауза. Оля проходит в комнату и садится на заваленный одеждой диван — на самый краешек. Коля остаётся стоять там, где и стоял.

Оля. Вы не переживайте, Катя.

Коля. Екатерина Павловна.

Оля. Мы умеем делать уборку.

Коля. Ты умеешь. А я не буду.

Баба Катя. Будешь, Коленька. Будешь. Если кушать хочешь регулярно, то и с уборкой справишься. Сестре поможешь...

Коля (*перебивает*). Она мне не сестра.

Пауза. Баба Катя смотрит на Колю. Коля смотрит в пол. Оля разглядывает собственные ладони.

Баба Катя. Странно, конечно. Обычно ваши вместе держатся. А вы грызётесь.

Оля. Понимаете, Катя...

Коля. Екатерина...

Оля (*перебивает*). Павловна, да. Тут такая ситуация непростая.

Баба Катя. Куда уж непросте.

Оля. Дело в том, что мой отец...

Коля (*перебивает*). Её папка моему папке горло вскрыл! За что ж мне её сестрой считать?

Баба Катя (*Оле*). Серьёзно, что ли?

Оля. Угу. Он сейчас в тюрьме.

Коля. Жаль, что не навсегда!

Короткая пауза. Коля утирает слёзы.

Баба Катя. Ну, что я могу вам на это сказать, ребятишки... Учитесь как-то хотя бы минимально мирно жить на моей территории. Потому что конфликтов я не потерплю. Особенно драк.

Оля. Мы не дерёмся.

Коля. Потому что она не отвечает!

Оля (*смотрит на Колю*). Мы не дерёмся.

Короткая пауза.

Коля. Екатерина Павловна.

Баба Катя. Слушаю тебя внимательно.

Коля. Можно я пойду?

Баба Катя. Иди, конечно. Только куда?

Оля. Он не понимает.

Коля. Всё я понимаю!.. К себе пойду. В свою палату.

Баба Катя. У вас комнаты палатами называют? Как в больнице, что ли?

Оля. Да... почему-то.

Баба Катя. Ну что ж. Иди, Коль. Иди.

Коля остаётся стоять на месте.

Затемнение.

Сцена вторая

Баба Катя и её сильно младший — ему лет сорок — брат Богдан сидят за столом на кухне у Бабы Кати. На кухне такой же беспорядок, как и везде в доме. На столе рядом с Бабой Катей стоят бутылка дешёвого вина, наполовину опустошённая, и гранёный стакан. Богдан же расположил перед собой на столе свои большие ладони. Богдан ничего не пьёт, не ест, но просто сидит и смотрит на сестру.

Баба Катя. Может, поешь?

Богдан. Может, и поем. Но точно не сейчас.

Баба Катя. А выпить?

Богдан. Я и так сам по себе дурной. Не буду.

Баба Катя. Ну как хочешь.

Короткая пауза.

Баба Катя. Но мне как-то не очень уютно одной.

Богдан. Как будто бы ты одна не пьёшь никогда.

Баба Катя. Пью. Но наедине с собой не так стыдно. Когда ты один, то тебя будто бы и нет. Будто бы и не ты пьёшь. Себя-то не ощущаешь.

Богдан. А другой — как зеркало?

Баба Катя. А другой — как зеркало. И если в нём отражаешься не ты, а кто-то другой — или вообще никого... То не по себе.

Богдан. Это хорошо, когда не по себе. Человеку и должно быть не по себе почти всегда.

Баба Катя. Зачем?

Богдан. Бодрит. Закаляет. Ставит на место. Не позволяет мечтать.

Баба Катя. Мечтать — это плохо, да.

Богдан. Это категорически опасно, а не просто плохо.

Короткая пауза. Баба Катя неуклюже берёт своими руками-клешнями бутылку и стакан, наливает себе полный, выпивает сразу весь. Жмурится.

Баба Катя. Как хорошо, господи...

Богдан. Обманываешь себя, Кать.

Баба Катя. Обманываю. А что ещё делать?

Богдан. Например, за дитями смотреть.

Баба Катя. А что за ними смотреть? Они не маленькие уже. Пусть за мной лучше смотрят, раз я им место для жизни и сна даю.

Богдан. Я не в том смысле «смотреть» призываю. Не присматривать. А следить.

Баба Катя. Зачем?

Богдан. Детдомовские. Могут и прирезать.

Баба Катя. Как будто не детдомовские не могут. Ты вот разве детдомовский?

Короткая пауза. Богдан впервые опускает взгляд и смотрит на свои руки.

Богдан. Я интернатовский. Большой разницы нет. Это почти то же самое.

Баба Катя. Ну, знаешь. У тебя хотя бы живая мамка была, которую ты регулярно

видел.

Богдан. Лучше бы не видел.

Баба Катя. У этих даже такой нет, как наша была. Не знаю, жива или нет, но рядом точно нет.

Богдан. Может, и хорошо?

Баба Катя. А ещё у них папки передрались, и один другого насмерть прирезал.

Богдан. Это он правильно сделал.

Длинная пауза. Баба Катя наливает себе ещё стакан и пьёт. В бутылке почти ничего не остаётся. Богдан снова смотрит на сестру.

Богдан. Так ты мне их отдашь?

Баба Катя. Как я могу, что ты.

Богдан. А почему нет-то?

Баба Катя. Ну мне же их не просто так дали. Я же бумагу подписывала.

Богдан. Скажешь, что сбежали.

Баба Катя. Мне как раз этого и нельзя допустить.

Богдан. Тебя же не посадят за сбежавших детей.

Баба Катя. Не посадят. Но наказать могут. И накажут.

Короткая пауза. Богдан встаёт и начинает ходить по комнате взад и вперёд.

Богдан. Мне же хочется.

Баба Катя. Я не могу, Богдан.

Богдан. Но мне же хочется.

Баба Катя. Я понимаю. Но я не могу. Сам подумай — как?

Богдан подходит к кухонному шкафчику, выдвигает один из ящичков, гремит вилками, ложками, ножами, в итоге вынимает большой кухонный нож. Смотрит на него. Смотрит на сестру. Перебрасывает нож из одной руки в другую.

Богдан. Никто не узнает.

Баба Катя. Ты всегда так говоришь.

Богдан. Я аккуратный.

Баба Катя. Я знаю. Но это не означает, что в этот раз ты не допустишь ошибку.

Богдан. Не допущу.

Баба Катя. Ты не можешь этого знать. Тем более, к этим детям сейчас куда пристальнее внимание, чем могло быть раньше. Про них про всех по телевизору показывали.

Богдан. Подумаешь.

Баба Катя. Нет, я серьёзно. Когда детский дом горел, журналистов было, наверное, больше, чем пожарных.

Богдан. Ну и что?

Баба Катя. Ты правда не понимаешь? Ты знаешь, что такое «пристальное внимание»?

Пауза. Богдан ходит по кухне, покалывая ножом стены.

Баба Катя. Не порти обои.

Богдан садится на своё место, не положив нож на место. Сидит, тычет себя ножом в ладонь. Баба Катя смотрит на него.

Богдан. Пристальное, говоришь.

Баба Катя. Пристальное.

Богдан тычет себя в ладонь сильнее.

Баба Катя. Максимально.

Короткая пауза. Богдан режет ладонь ножом, смотря при этом прямо в глаза сестре.

Богдан. А я думаю, что всем наплевать.

Баба Катя. Нет. Это не так.

Богдан. А я думаю, что так.

Пауза. Богдан размазывает кровь с ладони по собственному лицу.

Богдан. Все только рады будут избавиться от этой обузы.

Затемнение.

Сцена третья

Оля и Коля — в крохотной комнатке, в которой с трудом помещаются диван и два стула. В окно светит мёртвым светом уличный фонарь. Оля лежит на диване, накрытая старым пледом, головой на продавленной подушке, рядом с которой — ещё одна такая же, но пустая. Коля свернулся калачиком на полу рядом с диваном.

Оля. Ложись, пожалуйста.

Коля. Я и так лежу.

Оля. Ложись, пожалуйста, рядом.

Короткая пауза.

Коля. С тобой я не лягу.

Оля. Здесь нет другой постели.

Коля. Ну и не надо.

Оля. На полу холодно. Ты простудишься. И умрёшь.

Коля. Вот и хорошо. Пусть я лучше умру.

Оля. Я не хочу, чтобы ты умер.

Коля. А я хочу, чтобы я умер. Ты можешь оставаться, а я не собираюсь. Простужусь и умру.

Оля. Зачем?

Коля. Из вредности.

Оля. Это глупо.

Коля. Глупо быть тобой.

Пауза. Оля разглядывает потолок.

Оля. Соглашусь. Но не глупее, чем тобой.

Коля. Почему это?

Оля. Потому что я твоя сестра.

Коля. Это не так.

Оля. Так.

Коля. Нет. Сестра — это когда одни родители. Когда одна мама и один... папа.

Коля начинает рыдать.

Оля. Скажи, пожалуйста, почему я виновата в том, что случилось?

Коля. Потому что это твой отец!

Оля. Я же не выбирала его.

Коля. Ну и что!

Оля. И точно так же я не могу отвечать за то, что он делает.

Коля. А кто может? Я, что ли?

Оля. При чём тут ты?

Коля. Вот именно, что ни при чём!

Оля. То есть, ты хочешь сказать, что ты ни в чём не виноват.

Коля (*успокаиваясь*). Конечно.

Оля. Во всём виновата я.

Коля (*успокоившись совсем*). Конечно.

Оля. Даже если учитывать, что я не брала в руки нож и не резала никого?

Коля. Ну... да.

Оля. То есть, вся вина на мне только потому, что я — дочь убийцы?

Длинная пауза. Коля сопит, но не так, как сопят спящие люди.

Коля. Я не знаю. Но... наверное, да.

Оля. Я не могу понять твоей ко мне ненависти. Кто у тебя ещё есть, кроме меня?

Коля. Екатерина Павловна?

Оля. Ты серьёзно?

Коля. А что?

Оля. Ты на самом деле думаешь, что эта страшная женщина...

Коля (*перебивает*). Почему она — «страшная»?

Оля. Потому что она — страшная. Я ей не верю ни капельки. Понимаешь, ни капельки.

Коля. Мне кажется, она вполне хорошая.

Оля. Колька, у хороших людей не бывает настолько невкусной еды.

Коля. А ты видела, что у неё с руками?

Оля. Видела. Это ничего не значит. Помнишь, как мама... Хотя откуда ты можешь помнить.

Коля сопит, всхлипывая.

Оля. Ты думаешь, мне не больно?

Коля. Ты никогда не плачешь.

Оля. Правильно. Потому что я — взрослая.

Коля. А я разве — нет?

Оля. А ты — нет.

Короткая пауза. Коля тихонечко переползает к Оле под плед.

Оля. Мы оба с тобой — маленькие. Ещё. Но ты просто меньше. И ответственность за тебя — на мне.

Коля. Поэтому ты не плачешь?

Оля. Поэтому мне нельзя плакать. Мне нельзя быть слабенькой.

Коля. Я — не слабенький!

Оля. Я этого и не говорила. Я говорю, что *мне* нельзя.

Короткая пауза. Коля обнимает Олю.

Коля. Почему нельзя. Наверное, иногда можно. Ты же живая...

Оля. Ну и что.

Коля. Ты же так сломаться можешь. Если всё время всё держать на себе.

Оля. Могу. Но нельзя.

Коля. Ну... почему...

Пауза.

Коля. Мама... можно я не пойду?..

Оля. Спишь?

Коля. Спасибо... это вкусно...

Оля. Спишь.

Пауза.

Оля. Эх ты... заяц ты, заяц.

Дверь в комнату приоткрывается, заглядывает Баба Катя. Оля делает вид, что спит. Через плечо Бабы Кати заглядывает Богдан. Баба Катя, почувствовав, что Богдан сзади, выталкивает его плечом и закрывает дверь.

Оля. Здесь нам точно не место.

Затемнение.

Сцена четвёртая

Комната в доме Бабы Кати. На диване расположился молодой Участковый — Никита Саввич. Он коротко стрижен, однако в правом ухе у него серьга. Участковый сидит, широко раздвинув ноги, так, что форменные синие брюки на его ногах натянулись прямыми складками. Он пишет что-то на листе, прикрепленном к чёрной пластиковой папке.

Рядом стоит Баба Катя, смотрит на Участкового. Тот пишет, шевеля губами.

Баба Катя. Никита Саввич.

Участковый. Да, Екатерина Павловна.

Баба Катя. Никита Саввич.

Участковый. Я слушаю.

Баба Катя. Я очень вас прошу...

Участковый. Екатерина Павловна, когда вы уже перестанете мне «выкать»?

Баба Катя. Ну... я же...

Участковый *(отвлекается от писанины и смотрит на Бабу Катю, вздыхает).*
Давайте как раньше.

Баба Катя. Мне тяжело перестроиться.

Участковый. Это мне тяжело перестроиться. А вам-то что? Вы же как были, так и остались Екатериной Павловной.

Баба Катя. Столько времени прошло. Я тебя уже и не могу тем самым Никитой представить. Хотя вихры те же самые.

Участковый. Вот вы от вихров и отталкивайтесь.

Пауза. Участковый продолжает писать, Баба Катя смотрит на него и улыбается.

Участковый (*не отрываясь от писанины*). Мелкие где?

Баба Катя. У себя в комнате.

Участковый. Надо что-то со школой решать.

Баба Катя. Мне говорили, что скоро отправят их дальше. Смысла нет.

Участковый (*смотрит на Бабу Катю*). Дальше? Это куда?

Баба Катя. Ближе к столице. Есть вероятность, что их вообще раскидают по разным домам.

Участковый. Хорошо разве, что они пропускают сейчас учёбу?

Баба Катя. Ну... я сама могу, в принципе.

Участковый. Сама. Мне не надо, чтобы «сама».

Баба Катя. Почему нет?

Участковый. Потому что на вас и так многое.

Пауза. Участковый откладывает в сторону писанину, смотрит на Бабу Катю. Та — на него.

Участковый. Ведите их сюда.

Баба Катя слишком суетливо выходит из комнаты. Участковый осматривается, лицо его так же спокойно, как и раньше.

Баба Катя возвращается с Олей и Колей.

Участковый (*улыбаясь*). Привет.

Оля. Здравсьте.

Коля молчит, глядя в пол.

Участковый. А ты?

Оля. А он стесняется.

Участковый. А я не тебя спрашиваю.

Коля молчит, глядя в пол.

Участковый. Не будешь здороваться?

Коля. Нет.

Короткая пауза. Участковый поднимается и начинает расхаживать по комнате взад-вперёд, не глядя на детей.

Участковый. Меня зовут Никита Саввич. Я работаю в милиции. Знаете, что такое милиция?

Оля. Мы не дебилы.

Участковый останавливается и смотрит на Олю так, словно видит её впервые.

Участковый. Это прекрасно.

Участковый возвращается к своим передвижениям по комнате. Он, не замечая, топчет валяющиеся на полу вещи.

Участковый. А теперь я попрошу вас представиться. То есть, назвать мне (*он тычет себя пальцем в грудь*) ваши имена, отчества и фамилии. Согласны?

Оля. А можно отказаться, что ли?

Участковый. Нет. Отказаться нельзя.

Коля. Тогда зачем вы спрашиваете, согласны ли мы?

Участковый. Из вежливости.

Оля. А. Это всё меняет.

Участковый останавливается и внимательно смотрит на **Олю**. Та — на него. **Баба Катя** поднимает руку и почти уже даёт подзатыльник **Оле**, но, перехватив взгляд *Участкового*, прячет руку за спину. *Участковый* одобрительно кивает.

Участковый. Я слушаю вас внимательно.

Короткая пауза. Оля смотрит на *Участкового* пристально, **Коля** всё так же рассматривает пол.

Оля. Пазырыкская Ольга. Вячеславовна.

Участковый. Прекрасно. Какая хорошая у тебя фамилия! Не то что у меня.

Оля. А какая у вас?

Участковый. Не Писькин, не надейся.

Оля и **Коля** прыскают в кулак. *Участковый* улыбается. **Баба Катя** тоже, но как-то криво.

Участковый. Моя фамилия — Пыхало.

Дети откровенно смеются. *Участковый* улыбается. **Баба Катя** пытается улыбаться тоже, но получается у неё совсем плохо.

Участковый. Никита Саввич Пыхало.

Дети смеются, сгибаясь пополам. *Участковый* похихатывает. **Баба Катя** прекращает попытки улыбнуться и смотрит на детей и *Участкового* мрачно и даже почти что зло.

Участковый (*обращаясь к Коле*). А ты, я так понимаю, Пазырыкский Николай Вячеславович.

Коля. Нет.

Участковый. Хм. А почему? Ты же брат Ольги Вячеславовны, если я ничего не путаю.

Участковый берёт свою писанину, заглядывает в неё. После смотрит на **Колю**.

Оля. У нас отцы разные.

Участковый. Так. Понятно. Но ты хотя бы Коля?

Коля. Хотя бы да.

Участковый. Уже хорошо. Тогда представься по полной программе, Коля.

Оля (*Коле*). Скажи свои фамилию и отчество.

Коля. Оленин... Андреевич.

Участковый. Оленин Николай Андреевич?

Коля. Да.

Участковый. Прекрасно. Оля (*показывает пальцем на Олю*) и Коля (*на Колю*).

Оля. Да. Это мы.

Участковый. Запомните меня. Я ваш друг.

Коля. Мы вас совсем не знаем.

Участковый. Всё придёт со временем.

Короткая пауза. Коля улыбается, Оля — нет. Баба Катя смотрит на всех, криво ухмыляясь.

Участковый. Я буду приходить регулярно. К вам. И к Екатерине Павловне. Вы же в курсе, что она — моя учительница?

Коля. Вы же взрослый уже.

Участковый. Конечно. Но учителя бывшими не бывают. Запомни это, Николай Андреевич.

Ольга. Никита Савович...

Участковый. Саввич.

Ольга. Никита Саввич. Да. Скажите.

Участковый. Скажу без проблем.

Ольга. А можно нас... забрать отсюда?

Длинная пауза. Участковый внимательно смотрит на Бабу Катю. Та пытается не улыбаться, но получается у неё плохо.

Участковый. Не верю, что вам может быть плохо здесь.

Оля. Нет, нам не плохо! Просто...

Коля (*перебивает*). Здесь грязно. Воняет. И еда невкусная.

Участковый смотрит на Бабу Катю. Та прячет взгляд и улыбается.

Участковый. Я уверен, что скоро будет лучше. Екатерина Павловна человек пожилой, детей у неё не было и нет. Она просто не привыкла ещё к вам. А вы — к ней.

Коля. Мы не привыкнем. Мы скоро сбежим.

Длинная пауза. Участковый подходит к Коле, смотрит на него сверху вниз. Коля смотрит на Участкового.

Участковый. Это плохая идея.

Участковый гладит Колю по волосам.

Затемнение.

Сцена Пятая

На грязной остановке общественного транспорта сидит замурзанный мальчуган и ест мороженое. Мальчугана зовут Сашика, ему лет 12, хоть и выглядит он гораздо младше. На остановке больше никого нет.

*Подходит **Богдан**. На нём длинный грязный плащ болотного цвета, резиновые сапоги, на голове — панама с маскировочными разводами. В руках у **Богдана** — белое пластиковое ведёрко, наполовину заполненное грибами, и чрезмерно большой для сбора грибов нож.*

***Богдан** становится поодаль и делает вид, что не замечает **Сашку**. Тот же целиком и полностью погружён в процесс поедания мороженого.*

Богдан (как бы сам себе). А где автобус? Уехал уже?

Сашка. Не. Ещё не был.

Богдан (поворачиваясь к **Сашке**). А ты куда едешь?

Сашка. А вам чего с этого?

Богдан. Да нет... Ничего. Просто вижу, что ты один, без взрослых.

Сашка (облизывая палочку от мороженого). Ну и что?

Богдан. Нехорошо это. Людей плохих знаешь сколько сейчас?

*Пауза. **Сашка** отбрасывает палочку просто в сторону, игнорируя мусорку. **Богдан** смотрит на **Сашку**.*

Сашка. Я их не боюсь.

Богдан. Это почему ещё?

Сашка. Потому что я сам плохой.

Богдан. Это я вижу. Мусоришь тут.

***Богдан** ставит ведёрко с грибами на землю, подходит к валяющейся палочке от мороженого, поднимает её двумя пальцами, несёт к мусорке, выбрасывает.*

Сашка (сплёвывая). А мне похуй.

Богдан (смотрит на **Сашку**). Слова-то какие знаешь. Мамке тоже так говоришь?

Сашка. А нет мамки. Сдохла мамка.

Богдан. Разве можно так про мать?

Сашка. Ну а что, если она реально сдохла? Пила-пила водку и от водки сдохла.

Богдан. Такая смерть её даёт тебе разрешение, что ли, так о ней говорить?

Сашка. Да мне похуй.

***Богдан** качает головой. **Сашка** не смотрит на него, сидит на скамейке, болтает ногами, сунув руки в карманы. **Богдан** подходит к своему ведёрку, но не берёт его. В правой руке у **Богдана** по-прежнему большой нож.*

Богдан. Так ты теперь с папой, так?

Сашка. Нет никакого папки. Я без папки родился.

Богдан. Разве так бывает?

Сашка. Ну наверное. Я ж есть. А папки у меня никогда не было. Вообще никогда.

Богдан. погоди... Так а с кем ты тогда живёшь, если никого у тебя нет?

Сашка. В детском доме я живу. Жил.

*Короткая пауза. **Богдан** внимательно смотрит на **Сашку**. Тот на **Богдана** не смотрит.*

Богдан. Это в том, который сгорел недавно?

Сашка. В нём.

Богдан. Тебя ж должны были подселить временно к кому-то, пока они там разбираются, кого и куда отправить, — разве нет?

Сашка. Ага.

Богдан. И к кому же?

Сашка. К бабке Наташке.

Богдан. И ты что, сбежал, что ли?

Сашка. Ну да.

Богдан. Зачем?

Сашка. Да она воняет. И кормит говном каким-то.

Богдан. В детском доме лучше кормили?

Сашка. Гораздо.

Пауза.

Богдан. А ты грибы любишь?

Сашка. Ну... да. Почему нет.

Богдан. Хочешь посмотреть, какие у меня тут?

Сашка. Я в них не понимаю.

Богдан. Да я тоже, если честно. А по грибы ходить люблю.

Богдан наклоняется над ведёрком. Сашка смотрит в сторону Богдана.

Богдан. Слушай, а это не мухомор молодой случайно? Я слышал, что от них забалдеть можно. Только если это не пантерный. От пантерного умирают обычно. А от простого — нет.

Сашка пытается со скамейки заглянуть в ведёрко, но оно слишком далеко, чтобы можно было что-то разглядеть.

Богдан. Не хотелось бы с обычными грибами пожарить пантерный. Говорят, они такие... коричневые, скромные... когда простые — наоборот... красные, яркие такие.

Сашка. Я не знаю.

Богдан. Ну ладно... А это, наверное, вообще поганка. Их вроде бы ведьмы едят. Только от поганки тоже помереть можно, насколько я знаю. Как же они их едят? Готовят как-то по-особенному, наверное. Ты не знаешь?

Сашка. Не. Мне не интересно.

Тем не менее, Сашка встаёт со скамейки и нарочито равнодушно проходит мимо ведёрка, краем глаза в него заглядывая. Сплёвывает себе под ноги.

Богдан. Я вообще грибы люблю. Но очень плохо в них разбираюсь. Может, поможешь?

Сашка. Зачем? Мне-то что с этого?

Богдан. Доброе дело сделаешь.

Сашка. Я злой.

Богдан. Все мы так говорим... иногда.

Пауза. Сашка мнётся, после подходит к ведёрку, легонько пинает его ногой.

Сашка. Говна набрал какого-то. Тут съедобных-то от силы две штуки.

Богдан. Это какие?

Богдан шевелит грибы ножом.

Богдан. Этот?

Сашка. Нет. Такое не едят.

Богдан. Тогда этот?

Сашка. Выкинь его.

Богдан. А какие тогда оставить?

Сашка наклоняется над ведром, тянет палец к одному из грибов. Богдан резко выпрямляется.

Сашка. Вот этот можно было бы, но сперва...

Богдан со всей силы бьёт кулаком левой руки Сашку по затылку. Сашка падает, потеряв сознание. Богдан некоторое время стоит, глядя по сторонам, после бросает нож в ведёрко, подхватывает Сашку, кладёт того к себе на плечо, наклоняется, берёт ведёрко и уходит в лес.

Через минуту на остановку прибывает автобус. Останавливается. Распахивает двери. Минуту стоит. После закрывает двери и уезжает.

Затемнение.

Сцена шестая

Баба Катя и Богдан стоят друг напротив друга в захламлённом сарае Бабы Кати. Между ними лежит связанный Сашка. Рот Сашки заклеен скотчем, глаза закрыты, живой он или нет — не понятно.

Баба Катя. Это — что?

Богдан. Пацан.

Баба Катя. Я вижу, что пацан. Почему он здесь? Ещё и связанный.

Богдан. Надо.

Баба Катя. Кому — «надо»? Мне не надо. Убери.

Богдан. Мне надо.

Баба Катя. Ты в курсе, что ко мне Никита заходил?

Богдан. Ну и что?

Баба Катя. Заходил и обещал ещё зайти.

Богдан. А что он — в сарай, что ли, ползет?

Короткая пауза. Баба Катя смотрит на Богдана. Тот рассматривает собственные ладони.

Баба Катя. Убери — это — отсюда. Сейчас же.

Богдан. Ты так говоришь, будто бы это не живой пацан, а куча грязных тряпок.

Баба Катя. А оно живое разве?

Богдан. Живое. Просто без сознания.

Баба Катя. Что ты с ним делать собрался?

Богдан. То же, что и всегда.

Длинная пауза. Богдан приседает около Сашки, приподнимает Сашкино веко, вглядывается в глаз. Баба Катя отходит подальше, смотрит, брезгливо морщась.

Баба Катя. А больше негде, что ли? Надо у меня обязательно?

Богдан. А вот негде. Не в общаге же.

Баба Катя. Я тебе сколько раз говорила — найди себе нейтральную территорию. Там и занимайся своими играми. Только не у меня.

Богдан. Где ж я тебе возьму эту нейтральную территорию? Дом себе, что ли, построю?

Баба Катя. Понятия не имею и иметь не хочу. Сам разбирайся.

Короткая пауза. Богдан встаёт.

Богдан. Ты же моя сестра. У меня никого больше нет.

Баба Катя. У меня тоже. И что с того?

Богдан. У тебя есть я.

Пауза. Баба Катя смотрит на Богдана.

Баба Катя. Ты понимаешь, что под суд меня подводишь?

Богдан. Никто не узнает.

Баба Катя. Ты уверен?

Богдан. Конечно. До сих пор же не узнал никто.

Баба Катя. А я вот не уверена.

Богдан. Да всем насрать, Катя. Особенно на детдомовских. Их наоборот — боятся. И рады были бы избавиться. Просто закон мешает. Думаешь, им так хочется этого закона придерживаться? Но они боятся. Детей этих боятся. Других боятся. Себя. А я — не боюсь.

Длинная пауза.

Баба Катя. Разберись с этим побыстрее. Чтобы уже завтра утром его здесь не было. Понял?

Богдан. Понял.

Баба Катя. И потом скройся на месяц.

Богдан. Куда?

Баба Катя. А куда хочешь.

Короткая пауза.

Богдан. А с твоими что?

Баба Катя. А что с моими?

Богдан. Когда мне их отдашь?

Баба Катя (*кивает в сторону Сашки*). Тебе мало, что ли?

Богдан. Мало. Мне этого на неделю от силы хватит.

Очень короткая пауза.

Баба Катя. Извини, я всё никак не пойму — почему именно меня это должно волновать?

Богдан. А кого ещё? Ты же моя сестра, а не другой кто-то. Ты же за меня отвечаешь.

Баба Катя идёт к выходу.

Баба Катя (*не оборачиваясь*). Не забудь убраться.

Богдан. Хорошо. Конечно.

Баба Катя выходит. Богдан остаётся с лежащим на полу Сашкой. Смотрит на него.

Легонько трогает за плечо. Сашка не реагирует.

Богдан (*шёпотом*). Божья коровка, полетим на небо?

Затемнение.

Сцена седьмая

Монолог Богдана:

Я ещё в детстве понял, что можно всё. И ничего тебе за это не будет. Нет, люди, конечно, могут наказать, но что такое человеческий суд? И разве его можно бояться? Самое страшное, что могут с тобой сделать люди, так это — убить. А смерть — ерунда. Со смертью ведь ничего не кончается, ты же знаешь. Со смертью начинается самое главное.

А до смерти можно делать всё, что тебе хочется делать. Разве что не стоит забывать быть аккуратным, чтобы не обломать себе праздник раньше времени. Я — про человеческий праздник, который здесь, у нас, только и может быть. Потому что там, за смертью, в гостях у Бога, начинается другой праздник — и этот праздник длится всегда.

Не зря же сказано, что Бог — есть любовь. Он не делает исключений. Он любит всех. Меня, тебя, всех. Что бы ты ни делал здесь, среди людей, тебе ничего за это не будет там. Он никогда не наказывает.

Это ошибка вообще — считать, что он может наказывать. А за что, собственно? Эта жизнь — она же не настоящая. Я — не настоящий, ты — не настоящий, никто не настоящий.

Это всё — только кажимость. Пустота. Пустота, в которой причудливо крутится разноцветный дым. А нам кажется, что это — деревья, трава, небо. Кошки, собаки, люди.

Пауза.

Мне было, может, лет восемь. Взрослая индюшка случайно разодрала живот своему цыплёнку. Дед сказал мне — пойди, мол, закопай. Он всё равно жить не будет. Ну, раз дед сказал...

Я, конечно, не стал закапывать сразу. Я взял камень и несколько раз ударил по маленькой подслеповатой голове. Потом долго наблюдал, как расплющенная плоть стремится собраться обратно.

Я ударил сильнее. Так, чтобы расплющить совсем, наверняка. И ещё раз. И ещё. Бил и думал о том, что как же странно бывает — собственная мать распоролла ребёнку брюхо и вряд ли вообще заметила, что она сделала.

Накажет ли её за это Бог? Нет. Она же тупая. Это же просто тупая домашняя птица, которая сделана для того, чтобы её ели люди.

Но ведь люди — тоже чья-то пища... Каких-то других существ, о которых мы не подозреваем просто в силу собственной тупости. Или подозреваем, но не помним о них только потому, что незачем.

И если человек вдруг — случайно — сделает что-то по его меркам «плохое», то разве будет наказывать его Бог? Разве можно наказывать чью-то пищу? Какой в этом смысл?

Все едят всех. Я — тебя, ты — меня. Бог нас всех такими создал — вечно голодными.

Пауза.

Цыплёнка я того закопал. На вкус не пробовал — не догадался тогда. Но какая-то семечка в меня в тот момент упала и начала прорастать.

Я не стал долго ждать удобного момента, а просто поймал котёнка, размозжил ему череп молотком — и... Нет, я не догадался тогда, что можно мёртвое животное приготовить, как готовят курицу. Я ел его сырым, сначала с трудом ободрав шкурку. Трудно описать тот восторг, который я испытал.

Уже ночью, истекая счастливыми слезами, я понял, что в момент поедания чужой сырой плоти я сравнялся с Богом. Я сам был Бог. Я был выше Бога. Больше Бога. Сильнее Бога. Я мог всё. И мне даже не нужно было кого-то прощать. Я не зависел от необходимости кому-либо сострадать. Я просто делал то, что хотел.

Я ел котов, собак, ел тех, кого — по идее — есть не положено, тех, кто, как человеку кажется, выше обычной — *до поры живой* — пищи, умнее, человечнее. Хотя как может быть человеческой обычная собака? Про котов и кошек я вообще молчу. Это люди по глупости своей решили, что коз, например, есть можно, а собак — нет. Хотя и там, и там — просто мясо.

Пауза.

Когда мне было двадцать три года, наши края впервые посетил бродячий цирк с животными. Я, конечно, ходил. Мне понравилось. Ну, цирк — это весело, в конце-то концов.

Когда цирк уехал, я подслушал в магазине, что одна из цирковых обезьян сбежала и укрылась в нашем лесу. Циркачи не смогли её изловить — долго пытались, посылали акробатов на то дерево, где засела обезьяна, стреляли в неё дротиками со снотворным, но ничего не вышло: на акробатов обезьяна скалилась и рычала — и те испугались, а дротики все как один пролетели мимо, потому что стрелять надо было высоко, а хороших стрелков не было.

Циркачи спешили, а потому плюнули — и уехали. А я-то остался. И задался целью обезьяну изловить.

Я не стал заниматься ерундой и лезть на дерево. Я просто дождался, когда она проголодается и решится спуститься вниз.

У нас на деревьях ничего съедобного не растёт, кроме не очень-то вкусных листьев, потому рано или поздно обезьяна должна была оказаться внизу. Я просто разложил под её деревом куски сырой козлятины — и терпеливо ждал рядышком, в кустах, с самодельным арбалетом наготове.

Короткая пауза.

Обезьяна проторчала на дереве ещё сутки, а после всё-таки слезла. Я убил её одним выстрелом в голову.

Обезьяна рухнула в траву, немножко подёргалась и затихла.

Короткая пауза.

Я прямо целиком зажарил её на вертеле. Удивительным и в то же время радостным фактом было то, что жареная обезьяна оказалась до невероятия похожа на человека. На маленького человека. Может быть, на ребёнка. Лет десяти.

Длинная пауза.

Божья коровка, улеть на небо. Принеси нам хлеба — чёрного и белого, только не горелого. Хорошо? Договорились?

Ни одна, правда, из коровок не вернулась — как ни просил. Теперь я думаю, что свежий Божий хлеб можно только из его рук и взять.

А здесь нам доступен исключительно горелый — как плоть той обезьяны, которую я съел.

Затемнение.

Сцена восьмая

Оля и Коля сидят на скамейке на той же остановке, на которой чуть ранее Богдан разговаривал с Сашкой. В руках Оля держит старую потёртую сумку. Оля и Коля оба слишком плохо одеты для такой погоды. Ждут автобус.

Коля. Как ты думаешь, она уже пришла и заметила?

Оля. Она старая женщина. Долго ещё будет назад идти.

Коля. Она не кажется старой.

Оля. Это потому, что у неё детей не было никогда.

Коля. А как же — ученики?

Оля. Своих детей.

Короткая пауза. Дует ветер. Волосы на головах Оли и Коля шевелятся.

Оля. Как ты думаешь, почему такие люди в учителя идут?

Коля. Не знаю.

Оля. Я тоже не знаю. Я просто удивляюсь. Она же страшная!

Коля. Страшная.

Оля. Внешне так вроде бы и добрая даже.

Коля. От неё плохо пахнет.

Оля. Не от всех плохих людей плохо пахнет.

Коля. От неё по-другому плохо пахнет. От неё воняет... чем-то таким.

Короткая пауза. Оля кивает, соглашаясь.

Оля. Ты слышал, как она по ночам с кем-то шепчется?

Коля. Слышал.

Оля. А он всё время — «отдай мне их, отдай мне их». Кого их-то? Нас?

Коля. Думаю, нас.

Оля. Кто это такой, интересно... И зачем ему мы?

Короткая пауза.

Коля. Думаю, он нас хочет сожрать.

Оля. Не говори глупостей. Люди сейчас не едят других людей.

Коля. Откуда ты знаешь?

Оля. Сейчас же не голод. Еды хватает.

Коля. Разве только из-за голода может захотеться?

Оля. А ты бы стал есть другого человека?

Коля. А чё сразу я-то?

Из леса за остановкой выходят и, не торопясь, идут к Оле и Коле двое: один — худой и высокий, другой — пошире и пониже. Высокому лет шестнадцать, хотя выглядит он старше, тому, что пониже, примерно четырнадцать, хотя похож он больше на двенадцатилетнего. Оля и Коля не замечают их, молча смотрят в никуда, ветер шевелит

их волосы на головах без шапок.

Высокий (*останавливаясь чуть поодаль*). Ребят, а вы кто?

Коля оборачивается на возглас, Оля не двигается и молчит.

Высокий (*подходя ближе*). Так сложно ответить?

Низкий (*подходя к Высокому*). Ты не видишь, что ли? Они детдомовские.

Высокий. Ну и что? Пусть сами ответят. Вдруг ты ошибаешься?

Низкий. Посмотри, какие зачуханные.

Высокий. Зачем так грубо, Вась?

Низкий. Я не грубо. Это просто факт.

Коля. Сами вы зачуханные.

Высокий. Вот видишь, Вася, к чему привела твоя грубость.

Низкий. К чему же?

Высокий. К ответной грубости.

Низкий. Ну простите. Я не специально.

Высокий. Ребят, он — не специально.

Коля отворачивается к Оле. Оля по-прежнему молчит и не двигается.

Высокий. Даже если и детдомовские — это же не повод относиться к ним без должного уважения.

Низкий. Да ебал я их в рот.

Коля снова поворачивается к подошедшим. Внимательно смотрит на Низкого. Тот сплёвывает себе под ноги.

Высокий. Ребят, а что у вас в сумке?

Коля. А почему это тебя должно касаться?

Высокий (*Низкому*). Такой маленький, а уже такой наглый.

Коля. А сам-то?

Высокий (*Коле*). Сразу видно, что у тебя папки не было. Никто ничему хорошему тебя так и не научил.

Коля вскакивает со скамейки. Оля продолжает сидеть так, словно ничего не видит и не слышит.

Коля (*кричит Высокому*). Пошёл на хуй, понял?!

Высокий. Ого, какие мы злые!

Низкий. Э, малой! Ты не прыгай, да? А то допрыгаешься.

Коля. Ты, жирный, тоже пошёл на хуй, окей?

Высокий. Ты такие слова плохие знаешь? Вроде бы рано ещё — как ты думаешь?

Короткая пауза. Коля стоит и смотрит на Высокого и Низкого.

Высокий. А хотите, ребята, мы вам обезьяний череп покажем? Здесь, в лесу.

Коля. Сам ты обезьяна...

Низкий. Слушай, Вадь, дай я ему переёбу, а?

Высокий. погоди, Вась. погоди. Мы же по-мирному хотим. Давай, и правда, покажем ребятам череп, м? А они нам за это покажут, что у них в сумке.

Коля. Да еда там, дебил! Обычная еда!

Высокий (Низкому). А ты говорил, Вась, что закуски нет. А закуска — вот она! Сама в руки пришла.

Коля. Сейчас к тебе смерть твоя придёт, уёбок. Думаешь, я тебя боюсь?!

Высокий. Думаю, да. Иначе бы не орал так.

Коля. Я ору так не потому, что боюсь. Я ввожу себя в особое состояние.

Низкий. Это в какое же? Обсираться на скорость собрался?

Высокий и Низкий смеются. В это время Оля почти незаметно растёгивает молнию на сумке, погружает в сумку руку и возвращает её с уже зажатым в кулачке кухонным ножом.

Коля. Дебил. Ты слышал хоть что-нибудь про берсерков?

Низкий. Про кого, бля? Про каких обсерков? Это про тех, что обсираются на скорость?

Высокий и Низкий уже не просто смеются — они ржут, держась за животы и хлопая себя по коленям.

Коля. Ну ты и мудака.

Низкий (показывая на Колю пальцем). Обсерк! Смотри, Вадик, — обсерк! Он уже, наверное, обосрался — по ногам течёт!

Высокий (складываясь от хохота пополам). Вася, прекращай! Нельзя так смешно!..

Высокий утирает слёзы. Низкий продолжает показывать на Колю пальцем. В этот момент Оля нечеловечески быстро разворачивается, подсакивает к Низкому и взмахивает ножом. Низкий стоит, всё так же протянув руку в сторону Коли, но уже без указательного пальца и молча.

Низкий (сообразив, наконец, что произошло). А-а-а-а, бля-а-а-а!!! Палец!!! Вадик — палец!!!

Оля (наступив на валяющийся в грязи палец). Ты думаешь, мало вас таких в детдоме? Ты думаешь, мы не научились вас, мразей, не бояться? Ты думаешь, мне что-нибудь будет, если я тебе сейчас этот ножик в горло воткну? А, мразь?

Низкий (рыдает). Сука!.. Сука!..

Высокий. Ребят...

Коля. Пошёл на хуй отсюда.

Высокий. Ребят, мы ж пошутили...

Коля. Вали!

Низкий. Ва-а-а-адик!.. Ва-а-адик!.. Она мне палец отрезала, Вадик!.. (Оле) Отдай палец, сука!

Оля. Нет.

Высокий. Отдай ему палец... девочка. Пожалуйста!

Оля топчет палец, с силой ударяя по нему пяткой.

Оля (Высокому). Тебе тоже отрезать что-нибудь?

Коля. Отрежь ему письку, Оль. Она у него наверняка и так крохотная. Без неё ему будет лучше.

Низкий. Сука!.. Я вас найду, твари!..

Оля. Ты себя сначала найди, поросёнок.

Низкий. Я вас запомнил!..

Высокий внезапно срывается с места и бежит прочь.

Низкий. Вадик!.. Вадик!.. Куда ты, Вадик!.. Вадик, стой!..

Низкий убегает вслед за **Высоким**, держась здоровой рукой за повреждённую.

Оля. Кто такие берсерки, Коль?

Коля молчит, улыбаясь.

Затемнение.

Сцена девятая

Оля и Коля сидят в кабинете **Участкового** на двух стульях из тех, что обычно стоят рядом у стенки в подобных кабинетах. За столом сидит **Участковый**, смотрит в экран ноутбука, щёлкает мышью, трогает пальцами серьгу в ухе. **Коля** рассматривает собственную обувь, **Оля** — расфокусированным взглядом смотрит в никуда. У ног **Оли** стоит та самая сумка, с которой **Оля** и **Коля** собирались бежать. По правую руку от **Участкового** в толстом прозрачном пакете лежит тот самый нож, которым **Оля** отрезала палец **Низкому**.

Участковый (всё так же глядя в экран ноутбука). А куда всё-таки палец дели?

Коля. Не скажу.

Оля. Я под колёса грузовика его пихнула.

Участковый. Так «не скажу» или под колёса пихнула?

Короткая пауза.

Оля. Под колёса.

Коля. Под колёса.

Участковый. То есть, нет пальца?

Оля. Ну... там пятно осталось...

Коля. Косточка к колесу прилипла.

Участковый. Фу.

Короткая пауза.

Участковый. Ну и зачем так было делать? Ребёнок теперь на всю жизнь без пальца.

Коля. Так ему и надо!

Оля. Я случайно.

Участковый. Под колёса — тоже случайно?

Оля. Под колёса — специально. Я злая была.

Участковый. А теперь какая?

Оля. Теперь... не знаю. Остыла, наверное.

Участковый. Остыла... Ну как так, Ольга Вячеславовна?

Оля. Ну... я не хотела... не очень хотела — но они сами виноваты же.

Коля. Мы их не трогали.

Оля. Мы защищались.

Коля. Нельзя же давать себя в обиду. Так не выживешь.

Короткая пауза. Участковый внимательно смотрит на Колю.

Участковый. Не выживешь... Ясен перец, что не выживешь. Но надо было как-то... не так сурово, что ли.

Оля. А если не сурово, то тебя бояться не будут.

Участковый. А надо чтоб боялись?

Коля. Конечно. Если не бояться, то, значит, каждый раз лезут.

Участковый. Так-то оно так. Но мы же по закону живём. Всё-таки.

Оля. Вы-то, может, и живёте. А мы соблюдаем свой закон.

Участковый. Это какой же? «Кто сильнее, тот и прав»?

Короткая пауза. Оля смотрит в лицо Участковому.

Оля. Никита Савович...

Участковый. Саввич.

Оля. Извините — Саввич.

Участковый. Да фигня.

Оля. А вот скажите...

Участковый. Ну.

Оля. А вот вы с мамой-папой росли? Может, с бабушкой-дедушкой?

Длинная пауза. Участковый дёргает себя за серьгу, смотрит на нож.

Участковый. Я понимаю, к чему ты клонишь. Я сам был (*дёргает себя за серьгу*) тот ещё... Но да — с мамой-папой. И с бабушкой. Не скажу, что прям фонтан, но всё ж дома.

Коля. Вот и не говорите тогда.

Участковый. Так ведь и вы же не с самого рождения в детдоме!

Оля. Может, и не с самого. Но дольше, чем дома.

Коля. Когда мамку родительских лишили, мне три года было. Так что я почти и не помню, что это такое — дома.

Оля. А потом мой батя его батю... Ну, вы знаете.

Участковый. Ну да, ну да. Я читал дело.

Дверь в кабинет открывается. Входят Горлов — худой узкоплечий парень в неопрятной форме представителя закона — и Низкий с забинтованной рукой на перевязи.

Горлов. Никита Саввич! Тут это...

Участковый (*вставая из-за стола*). Ну какого хера, Горлов!

Горлов. Никита... Саввич.

Участковый. Я тебя что — об очной ставке, что ли, просил? Уведи на хер!

Горлов. Так это ж...

Участковый. На хер!

Низкий. А где Вадик?

Участковый (*Низкому*). Какой ещё Вадик?

Низкий. Ну... Вадик.

Коля. Это глист этот. Который с ним был.

Участковый (*Низкому*). Друг твой, что ли?

Низкий. Ну как... друг... Ну, друг.

Коля (*Низкому*). Уебан.

Низкий. Пасть закрой! Пидор.

Участковый. Вы тут что, ох... охренели, что ли, все?! Вы забыли, где вы находитесь?

Горлов даёт подзатыльник Низкому. Тот шмыгает носом. Не выдерживает — тихо плачет. Из носа у Низкого течёт, с подбородка капаят слёзы.

Оля встаёт, подходит к Низкому. Гладит его по голове.

Оля. Не переживай так. Я тебя прощаю, конечно. Но, повторись эта ситуация ещё раз, я бы поступила точно так же. Или даже хуже. И сидел бы ты здесь уже без головы, например.

Затемнение.

Сцена десятая

Баба Катя и Богдан сидят за столом на кухне. Между ними — несколько пустых бутылок из-под вина и одна — ополовиненная. Баба Катя очень сильно пьяна, в то время как Богдан трезв абсолютно. Он внимательно смотрит на сестру.

Богдан. Мы же с тобой похожи?

Короткая пауза.

Баба Катя. Это ты к чему сейчас?

Богдан. Ну, внешне.

Баба Катя. Ну внешне — да. А так — нет, конечно.

Богдан. Как думаешь, если я надену твоё... стану ли я выглядеть как ты?

Короткая пауза.

Баба Катя. Почему ты думаешь, что я дам тебе надеть своё?

Богдан. Да я спрашивать даже не буду. Я просто надену — и всё.

Богдан подходит к дивану, берёт с него мятый и грязный халат апельсинового цвета. Надевает. Ходит по комнате, пытается изобразить женщину.

Баба Катя. Сними — я им пол вытирала.

Богдан. Я — это ты. Пожилая, никогда не рожавшая женщина.

Баба Катя. Прекрати.

Богдан. Может быть, даже девственница.

Баба Катя. Хватит.

Богдан. Во мне никогда не ночевал мужской хер.

Баба Катя. Хватит! Слышишь?

Короткая пауза. Богдан останавливается.

Богдан. Собственно — а почему «мужской» хер? Как будто бы другой какой-то бывает. Во мне никогда не ночевал хер.

Баба Катя пытается встать из-за стола, но падает на пол, опрокидывая бутылки.

Богдан. Может быть, ты как раз поэтому и ведёшь такой образ жизни?

Баба Катя (пытаясь подняться). Это какой — «такой»?

Богдан. Унизительный.

Короткая пауза. Баба Катя оставляет попытки подняться и остаётся лежать на полу.

Богдан. Мне более всего удивительно, что тебе доверили детей. Чем они руководствовались? Каким принципом? «Больше некому»?

Баба Катя. Слушай, ну как тебе не стыдно!.. Ты издеваешься над старым, больным человеком!.. Над сестрой, в конце-то концов... Не стыдно?

Богдан. А хочешь — поменяемся? Пусть даже на время.

Баба Катя. Что ты несёшь...

Богдан. Тебе так страшно, что я займу твоё место?

Короткая пауза.

Баба Катя. Ты не устал ещё?

Богдан. Устал — что?

Баба Катя. Нести бред.

Богдан. Я не несу бред. Я предлагаю тебе реальный вариант. Тяжело же с детьми.

Баба Катя. Нет. С чего бы?

Богдан. Готовить. Стирать... Возвращать их постоянно домой — беглецов сраных. Ты их не наказала?

Баба Катя отрицательно мотает головой. Богдан смотрит на неё внимательно.

Баба Катя. Сними эту тряпку и иди к себе. Я тебя просила на месяц исчезнуть. Ты исчез?

Богдан (*чуть помедлив*). Нет.

Баба Катя. Ну так вот ещё не поздно. Оставь меня в покое. Оставь в покое детей.

Длинная пауза. Богдан садится на диван, не снимая халата. Баба Катя всё так же лежит на полу.

Богдан. То есть, ты мне их не отдашь.

Баба Катя. А как я могу? Ты соображаешь вообще? Что я скажу Никите?

Богдан поднимается с дивана, некоторое время стоит, не двигаясь. После начинает кричать.

Богдан. Ты же обещала!!!

Баба Катя. Когда это?

Богдан. Ты! Обещала!

Баба Катя. Ты их разбудишь. Если уже не...

Богдан (*перебивает*). Как — так — можно?! Почему ты обещаешь, но не выполняешь?! Почему ты всегда так делаешь?!

Баба Катя. Всегда?

Богдан. С самого начала! С самого детства! Говоришь одно, а делаешь — наоборот — другое!

Баба Катя. Даник, я тебя по-хорошему прошу — уйди...

Богдан. Я — не Даник! Я — если хочешь — Богик! Я — Богик! Я — Бог!..

Баба Катя. Дань...

Богдан. Нет. Ни в коем случае. Только на «Б». Не на «Д».

Баба Катя. Данечка...

Богдан быстрыми шагами подходит к *Бабе Кате*, приседает, прижимает голову и шею *Бабы Кати* коленями. *Баба Катя* вяло отбивается, но через какое-то время затихает. *Богдан* убирает колени, садится рядом с телом и начинает раздевать его.

Богдан (напевает). Без тебя меня чуть-чуть... Без тебя меня чуть-чуть... А с тобою — много!..

Затемнение

Сцена одиннадцатая

Оля и *Коля* замерли в постели под одеялом.

Оля. Ты слышал?

Коля. Что-то про Бога.

Оля. Тебе страшно? Мне — да.

Коля. И мне — да.

Оля. Он очень плохо поёт. Ну... не в том смысле, что некрасиво. А просто это какая-то злая песня.

Коля. От неё воняет.

Оля. Да.

Короткая пауза.

Оля. Через окно?

Коля. Ну не под диваном же прятаться.

Оля. Как думаешь — он погонится?

Коля. Может, и да.

Оля и *Коля* выбираютя из-под одеяла — оба в одежде и обуви. Открывают, стараясь не шуметь, окно. Выбираются наружу.

Затемнение.

Сцена двенадцатая

Богдан, одетый в точности как обычно бывает одета *Баба Катя*, заходит в комнату *Оли* и *Коли*. Видит открытое окно.

Богдан (напевает). Горько свесилась на грудь... Горько свесилась на грудь... Голова у Бога...

Богдан выходит из комнаты.

Сцена тринадцатая

*Высокий и Низкий стоят возле дома **Бабы Кати**. Ночь. У **Низкого** рука в бинтах и на перевязи. У **Высокого** в руках спички. Он садится на корточки у стены дома, чиркает спичкой о коробок. Спичка гаснет. Чиркает снова. Спичка снова гаснет. Чиркает снова. Спичка разгорается. **Высокий** пытается поджечь мох на стене дома. Мох не горит. Спичка гаснет.*

Низкий. Тут бензин надо.

Высокий. Где я тебе возьму бензин?

Низкий. У отца взял бы из гаража.

Высокий. У отца нет бензина в гараже. Он на заправке заправляется. Зачем ему бензин в гараже?

*Низкий пожимает плечами. **Высокий** снова пытается поджечь мох. Мох не горит.*

Низкий. Чего ты мучаешься.

Высокий. Сейчас загорится.

Низкий. Ни хуя не загорится.

Высокий. Не ссы. Сейчас мох возьмётся.

Низкий. Мох — сырой. Особенно сейчас.

*Высокий судорожно поводит плечами. **Низкий** вынимает здоровой рукой из-за пазухи пистолет.*

Низкий. Может, просто их застрелим?

Высокий (не оборачиваясь). Ага. Из пистолета прям.

Низкий (стучит пистолетом **Высокому** по плечу). Ну а чего?.. Чего нет-то?

Высокий (оборачивается и видит пистолет). Это же игрушечный. Ты дурак, что ли? Зачем ты с собой игрушечный притащил?

Низкий. Это настоящий.

Высокий. Ага. Сейчас прям.

*Из-за угла дома выходят **Оля** и **Коля**, почти натыкаются на **Высокого** и **Низкого**. **Высокий** всё пытается поджечь мох. **Низкий** смотрит на **Олю** и **Колю**, медленно поднимая и наводя на них пистолет.*

Низкий. Вадик...

Высокий. Что?

Низкий. Вадик.

Высокий. Ну чего тебе?

*Высокий отворачивается от стены и видит **Олю** с **Колей**. Начинает привставать. **Низкий**, повожившись с предохранителем, нажимает на курок и стреляет в **Колю**. Тот падает.*

*Низкий и Высокий стоят, разглядывая лежащего на земле **Колю**. **Оля** в это время скрывается за углом дома.*

Высокий. Откуда это у тебя?..

Низкий. Это я у Горлова из кобуры вытянул. Он такой дурак, такой дурак...

Высокий. Ты ведь понимаешь, что нам за это будет?

Низкий смотрит на **Высокого**. Потом бросает в него пистолетом и, развернувшись, убегает. Пистолет, ударившись о грудь **Высокого**, падает на землю.

Коля лежит, не двигаясь.

Из-за угла дома выходит **Богдан** — он тащит за собой **Олю**, намотав её волосы себе на руку. **Высокий** стоит и смотрит на них, после швыряет коробок в **Богдана** и остаётся стоять на месте.

Богдан. Пойдёшь с нами в лес — посмотреть на череп обезьяны?

Высокий. Я уже видел.

Богдан. Понравилось?

Высокий. Нет. Можно я пойду домой? Пожалуйста.

Богдан. Это я её съел.

Пауза. **Высокий** смотрит на **Олю** — та стоит спокойно, хоть и не в очень удобной позе.

Высокий. Ну пожалуйста.

Богдан. А теперь съём вот её (тянет за волосы **Олю**, но та не издаёт ни звука). Потом его (указывает подбородком на лежащего на земле **Колю**). А потом уже тебя. Ну, или в другом порядке. Может быть, его первым. Он-то мёртвый уже. Видишь, какая дыра в голове? Так что лучше его сначала. Чтобы долго не залёживался.

Высокий. Отпустите. Я вас очень прошу.

Богдан вынимает из кармана кофты нож, приставляет его к **Олиному** горлу.

Богдан. Может быть, съедим её вместе?

Высокий. Я не хочу.

Богдан. Её не хочешь?

Высокий. Вообще никого не хочу.

Богдан. А ты только представь — мы её предварительно разденем. Увидишь, какая она там, под одеждой. У тебя есть девушка?

Высокий отрицательно мотает головой.

Богдан. Хочешь её?

Высокий. Она маленькая.

Богдан. Нормальная. Уже можно.

Высокий падает вперёд почти плашмя, накрывая животом пистолет. После неуклюже изворачивается, прижимая пистолет к животу локтями.

Богдан отшвыривает **Олю** и прыгает на **Высокого**, высоко занося нож над головой. Ударяет **Высокого** ножом в горло. **Высокий** умудряется взять пистолет в левую руку, но **Богдан** выбивает пистолет, который летит в сторону.

Оля бежит к пистолету, поднимает его, берёт в правую руку, приставляет пистолет к голове **Богдана**.

Высокий хрипит. Из его горла хлещет кровь.

Богдан (Оле). Ты разве сможешь убить Екатерину Павловну?

Оля. Ты — не она. Хотя её я тоже убила бы.

Богдан. Как это я — не она? Посмотри внимательно.

Оля. Это только одежда.

Высокий затихает с ножом в горле.

Богдан. Ну и что? Ну одежда. А разве не одежда определяет... эээ... всё? Ты — тот, в кого ты вырядился. Разве нет?

Оля. Я сейчас нажму.

Богдан. Вот ты одета в не очень взрослую девочку. Не очень взрослая девочка не должна убивать людей. Вот ты и не будешь... нажимать.

Оля. Екатерина Павловна тоже никого не убивает. А ты — убил.

Богдан. Значит, я — не она?

Оля. Нет.

Богдан. Вот чёрт... Значит, где-то я напугал.

Оля нажимает на курок. Раздаётся выстрел. **Богдан** валится на землю рядом с **Высоким**. *Оля* вытирает пистолет об одежду и, держа его полой куртки, вкладывает в руку **Высокому**. После отходит, идёт к **Коле** и садится рядом с ним.

Коля лежит, не двигаясь. *Оля* обнимает себя за колени, прижимает их к груди, едва заметно раскачивается, что-то едва слышно поёт.

К Оле подходит **Участковый**, ведя за ухо **Низкого**.

Участковый. Ну что — всё?

Оля кивает.

Участковый. Вот говно... Что я теперь со всем этим буду делать?

Оля пожимает плечами.

Участковый. Выстрел услышал — вышел. Смотрю — этот бежит (*указывает подбородком на Низкого*). Сейчас шли — второй выстрел. Это Вадик стрелял?

Оля кивает.

Участковый. Ясно. А Екатерина Павловна?

Оля отрицательно мотает головой.

Участковый. А... стоп. Это же не она. Это же Богдан, брат её. А она что — тоже?

Оля кивает.

Участковый. Четыре трупа. Четыре трупа!..

Короткая пауза. Оля сидит, не двигаясь.

Участковый. Ну что. Ладно. Надо скорую вызывать. Вдруг не четыре.

Оля кивает. **Низкий** начинает плакать.

Затемнение.

Сцена четырнадцатая, последняя

Участковый и Оля сидят в кабинете Участкового.

Участковый. Тебе сколько лет, напомни?

Оля. Двенадцать.

Участковый. Двенадцать. Ага.

Короткая пауза.

Участковый. Что делать теперь с тобой? В детдом хочешь?

Оля отрицательно мотает головой.

Участковый. Я вообще не понимаю, что теперь делать и как это всё разгрести. В сарае у Екатерины Павловны ещё и кости ребёнка нашли, тоже, скорее всего, детдомовского... Хотя зачем я тебе это говорю?..

Короткая пауза.

Участковый. Плохая это была идея — раздавать детей по семьям. Плохая. Столько разбежалось вас. В разные стороны — как муравьи.

Длинная пауза. Участковый сидит, дёргая себя за серьгу. Оля смотрит на него.

Оля. Никита Савович...

Участковый. Саввич.

Оля. Простите.

Участковый. Ладно.

Оля. Никита Саввич...

Участковый кивает Оле вопросительно.

Оля. А возьмите меня замуж.

Участковый. Что??

Оля. Ну... женой.

Участковый. Нет, ты что! — так нельзя. Люди не поймут.

Оля. Ну... я просто поживу сначала у вас. Незаметно. А когда можно будет, то вы... женитесь.

Участковый долго смотрит на Олю. Оля смотрит на него. Участковый дёргает себя за серьгу.

Участковый. Незаметно.

Оля. Да. Вы скажете, что я сбежала. А потом как будто вернулась.

Участковый. Как будто.

Оля. Да.

Участковый. И — замуж?

Оля кивает. Участковый отворачивается. Смотрит в стену. Потом поворачивается и смотрит на Олю. Оля смотрит на него.

Участковый (*напевает*). У меня тебя чуть-чуть... У меня тебя чуть-чуть... А у Бога — много...

Короткая пауза.

Участковый (*вынимая из кармана ключи от машины*). Это — ключи. Вот здесь, на брелке, есть кнопка, на которой нарисована дверка. Пойдёшь сейчас к моей машине, нажмёшь на кнопку, откроешь дверь, сядешь на заднее сиденье и будешь сидеть. Пока я не приду. Тихо-тихо. Поняла?

Оля кивает. **Участковый** бросает ей ключи. **Оля** ловит и, пряча их в карман, идёт к двери.

Оля (*останавливаясь и оборачиваясь*). А какая у вас машина?

Участковый. Синий фольксваген. Он один такой здесь замученный. Ну, ты поймёшь.

Оля кивает и выходит. **Участковый** остаётся сидеть и смотреть в никуда.

Участковый. Что мне снег, что мне зной... Что мне дождик проливной... Когда мои...

Участковый, прервавшись, смотрит по сторонам. В кабинете никого, кроме него, нет. Громко тикают часы на стене.

Участковый. Когда мои... друзья?

Участковый прислушивается. Часы продолжают тикать.

Участковый (*одобрительно кивая*). Друзья. Да.

Участковый вынимает из ящика стола какие-то бумаги, разбирает их, шуриша, что-то пишет. Часы продолжают тикать.

Занавес.

Минск — Москва, Ноябрь 2017

Константин Стешик